

АНДРЕЙ НОВИКОВ-ЛАНСКОЙ

АРИСТОКРАТ

Андрей Новиков-Ланской

Аристократ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29411711

ISBN 9785449034625

Аннотация

Роман, номинированный на премию «Национальный бестселлер», рассказывает о духовной природе аристократизма, о власти над миром и о совершенствовании себя.

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
Глава первая	5
Глава вторая	8
Глава третья	11
Глава четвёртая	15
Глава пятая	20
Глава шестая	24
Глава седьмая	28
Глава восьмая	33
Глава девятая	37
Глава десятая	41
Глава одиннадцатая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Аристократ

Андрей Новиков-Ланской

*«Вы человек, иль призрак, или демон?»
Кальдерон*

© Андрей Новиков-Ланской, 2018

ISBN 978-5-4490-3462-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

Аристократу присуще ощущение избранности. Он чувствует, что рождён для осуществления высокой цели и миссии. Он отдаёт себе отчёт в том, что он – особый человек, не похожий на других, несущий особую ответственность перед миром и исполняющий особое служение. Аристократ гордится своей особенностью и непохожестью на других. Он гордится собой, но не тем, что сделано им. Он сам, а не его достижения являются ценностью. Он по праву горд, но не высокомерен, ибо знает, что ничто так не унижает человека, как высокомерие.

«Кодекс аристократа»

Томас Лонг явно не видел этого фильма раньше: незнакомые лица и интонации актёров, непонятные мизансцены.

На большом почти квадратном экране нет красок, всё будто сделано в бежевой сепии, и звук идёт откуда-то сзади.

Томас Лонг сидит в первом ряду, и рядом – другие люди, он не видит их, хотя хорошо слышит доносящееся перешёптывание.

Фильм, видимо, комедийный, зрители неустанно смеются

и с оживлением обсуждают экранное действие.

В самом конце ряда, с краю, сидит карлик, он особенно энергичен в своём смехе – порой он просто безудержно хохочет, тычет пальцем в сторону экрана, трясёт большой бородатой головой, нетерпеливо перебирает в воздухе кривыми толстыми ножками и стучит кулачками о подлокотники кресла.

Время от времени он произносит что-то смешное, задыхается своим смехом, и смехом же вторят ему сидящие вокруг него.

Томас Лонг не может понять, что говорит карлик, он тормозит соседей, просит повторить карликову шутку, но те только мотают головами, не в силах прервать смеха, и знаками рук призывают смотреть на экран.

Он же не видит ничего смешного: там в фильме молодой мужчина и девушка, держась за руки, выглядывают из-за тёмной завесы, будто что-то ищут – смысл их действий не вполне ясен.

Томас Лонг подходит к карлику, нагибается к нему, просит говорить громче и чётче, потому что ему не слышно.

Карлик криво улыбается и что-то говорит ему на ухо, но он совсем ничего не может разобрать, как будто это иностранная речь.

«Что он говорит? На каком языке? Почему я ничего не понимаю?» – кричит Томас Лонг в толпу зрителей, но те в ответ лишь пожимают плечами, а потом отвлекаются на действие

киноленты и снова хохочут.

Ему становится скучно, он идёт к выходу, оборачивается в дверях, видит финальные титры на фоне целующей пары.

«Почему все голливудские фильмы кончаются одинаково?» – думает он и выходит из зала.

Перед кинотеатром – автомобильная парковка, там множество машин, разного вида и достоинства, в некоторых сонные водители лениво ожидают хозяев.

Он замечает привязанную к столбу лошадь и даже не удивляется, почему это лошадь припаркована среди автомобилей, и что вообще она делает в городе вдали от ипподрома и парка аттракционов.

Томас Лонг направляется прямо к ней, она же приветствует его ржанием, и он отчётливо в голове своей слышит слова: «Куда едем, хозяин?»

Он взбирается на лошадь и говорит: «Едем домой».

Лошадь скачет к дому, а он удивляется тому, что умеет ездить верхом, хотя никогда этого раньше не делал, что понимает лошадиную речь, и что лошадь знает, где его дом.

Он находит этому единственное возможное объяснение: должно быть, всё это ему снится – и лошадь, и карлик, и безликий фильм.

«Но ведь даже и у сна должна быть какая-то своя логика, какой-то смысл и зашифрованное послание... Почему же я их не вижу?» – думает Томас Лонг и просыпается – на пять минут раньше положенного будильником времени.

Глава вторая

Аристократ не работает против своей воли, по приказу и принуждению. Подобная работа никогда не составит основу его жизни. При этом неприятие вынужденной работы не означает осуждения работающих – к ним он испытывает сочувствие. Аристократ различает работу и служение. Для него служение идеалам и ценностям, как и своей земле, – естественно и необходимо.

«Кодекс аристократа»

Хотя Томас Лонг проснулся сам, без механической помощи будильника, выпавшимся себя он нисколько не чувствовал.

Накануне он допоздна смотрел по телевизору теннисный матч – и, несмотря на то, что он не был особенным теннисным болельщиком, любовь к завершённости и целостности заставили его досмотреть затянувшийся поединок до конца, сквозь сонливость, сквозь слипавшиеся веки.

А дальше обычная утренняя процедура: неровные шаги к кухне, щёлкнувший электрический чайник, растворимый кофе в толстой керамической чашке, теряющий свой аромат при погружении в кипяток.

Потом тусклая ванная комната, душ, заплывшее отраже-

ние в запотевшем зеркале (а ведь накануне вроде бы и не пил ничего), искусственная свежесть ментола в зубной пасте, намоченные тапочки и влажные мурашки на выходе из ванной.

Сколько дней, сколько лет Томас Лонг думает одно и то же: что же такое надо сделать, чтобы не ставить на утро будильник, чтобы не содрогаться, видя себя утреннего в зеркале, чтобы от фальшивого кофе и холодных круассанов с джемом не сводило желудок – и чтобы хотелось ехать в офис?

Но всё же это утро отличалось от предыдущих, и хотя посетившее Томаса Лонга необычное сновидение не было кошмаром, оно оставило после себя смутный шлейф чего-то упущенного и недопонятого.

Тревожность вообще присуща ночному миру, но загадочность пришедшего к нему сна вызвала непривычное напряжение, и даже чистота солнечного утра вопреки обыкновению не рассеивала его.

С самого пробуждения всё было не так, как обычно: кофе показался нарочито горьким, круассаны – пресными, фен как нарочно не давал прохладного воздуха, и горячее его дыхание обжигало волосы.

Одеваясь, он включил компьютер, загрузил свою почту и не увидел ничего, кроме привычного рекламного мусора.

Это тоже было довольно необычно: хотя Томас Лонг и не вёл активной переписки, всё же несколько писем каждое утро ждали его в почтовом ящике.

Сегодня же никаких сообщений не было, и он решил, что,

должно быть, произошли какие-то неполадки в самой сети, что письма просто задержались и непременно придут позже.

Он оделся и вышел из дома в город.

Машина Томаса Лонга уже вторую неделю простаивала на сервисе, мастера делали вид, что уже заказали и вот-вот получат одну важную и дорогую деталь.

По этой причине он ездил на такси, ужасаясь как своим возросшим расходам, так и совершенному отсутствию водительского достоинства у таксистов.

Не порадовало и сообщение в теленовостях о том, что дорожное движение сегодня будет сильно ограничено из-за проходящего в городе международного саммита, крупнейшего за последние семь лет – и значит, большие автомобильные пробки гарантированы.

Глава третья

Аристократу не свойственно чувство обиды. Если оскорбление нанесено равным, аристократ защищает свою честь. Если же неравный вызвал его неудовольствие, аристократ игнорирует обидчика, исключает его из своих мыслей. Аристократ осуществляет свой собственный суд над другими и над самим собой. Его решения справедливы, поскольку он сам справедлив. Он знает, что его суд – последняя и высшая инстанция. Когда аристократ выносит приговор, он исходит не из внешних общепринятых законов, а только из личных нравственных принципов и из собственного понимания справедливости.

«Кодекс аристократа»

Томас Лонг подошёл к зданию, в котором располагался офис, и у входа его остановил охранник, попросив предъявить пропуск.

Томас Лонг видел этого человека в униформе впервые.

«Да я работаю здесь уже несколько лет! Должно быть, вы сегодня первый день, и меня не знаете», – улыбнулся он.

Охранник не пожелал улыбнуться в ответ, напротив – соорил сердитое лицо и молча посмотрел на Томаса Лонга.

Раз уж слова и улыбки действия не возымели, пришлось

лезть в портфель и искать там удостоверение своей личности.

Оно затерялось во множестве бумаг, Томас Лонг даже и не помнил, когда в последний раз доставал его.

Когда, наконец, обёрнутая в пластик карточка была найдена, он снова улыбнулся, показал её охраннику и смело шагнул внутрь.

Но тяжёлая рука опустилась на его плечо, заставив сделать шаг назад и обернуться.

«Что вы мне тут показываете?» – совсем недружелюбно спросил охранник.

«То, что вы просили», – нарочито резко ответил Томас Лонг, не привыкший к грубости охраны.

«По такому пропуску я вас не пущу», – мрачно произнёс охранник и убрал руку с плеча.

В душе Томаса Лонга что-то дрогнуло:

«А что с ним не в порядке, позвольте узнать? Имейте в виду, я из-за вас уже опаздываю».

«На нём нет вашей фотографии», – серьёзно сказал охранник.

«То есть, как это нет? Что значит, нет?» – раздражённо спросил Томас Лонг и внимательно взгляделся в своё удостоверение.

Человек в мундире был прав: там, где раньше было лицо, теперь красовалась красная клякса.

Кровавого цвета краска попала под пластиковую обложку,

превратив фотокарточку в безликое пятно – и новое тревожное чувство посетило взволнованное сознание Томаса Лонга.

«Простите, я не заметил... – сказал он охраннику. – Вы можете позвать кого-нибудь из сотрудников нашей компании. Меня все знают и подтвердят, что это мой пропуск».

Охранник что-то сквозь зубы сказал в рацию, и вскоре к ним спустился помощник управляющего директора компании.

«Привет! – Томас Лонг помахал ему рукой. – Тут у нас небольшая проблема с пропуском. Новый охранник, меня не знает и пускать не хочет».

«Доброе утро, господин Лонг», – помощник был сдержанно-холоден.

«Господин? Что это все такие нелюбезные сегодня», – подумал Томас Лонг.

«Это наш сотрудник. Пожалуйста, пропустите его. Идёмте, директор хочет немедленно вас видеть», – сказал помощник, не глядя в глаза.

Томас Лонг встревожился ещё больше, беспокойные мысли закрутились в его голове.

«Хочет видеть? С самого утра? Что-то странное... За несколько лет такое происходит впервые».

Он занервничал ещё сильнее, замечая косые взгляды в свою сторону: и когда поднимались на лифте, и когда шли по коридору, его коллеги лишь молча кивали в ответ

на шутливо-дружественные приветствия – и тут же отводили взгляд.

Иные же, напротив, смотрели необычно долго и как будто осуждающе.

Томаса Лонга это смущало, но он пытался успокоить себя.

«Мне это только кажется. Просто с самого утра день не заладился, вот и всё».

Он вошёл в приёмную управляющего директора и невольно посмотрелся в большое зеркало – убедиться, всё ли в порядке в его внешности.

Глава четвёртая

Аристократу свойственна осанка. Для него осанка, естественно приобретённая в детстве, является причиной и следствием чувства достоинства. Даже если в старости его тело сгорблено, в самом его образе чувствуется внутренняя осанка. Аристократ обладает обострённым чувством собственного достоинства и не стесняется продемонстрировать его. Его поведение и поступки могут вызывать раздражение окружающих, он же не замечает упрёков.

«Кодекс аристократа»

Если правда, что после тридцати лет мы сами отвечаем за своё лицо, что скрываемые мысли, чувства и желания выдают себя в чертах внешности, то Томаса Лонга следовало бы считать человеком добрым и порядочным.

Достигнув возраста Христа, он сохранил лицо молодым, открытым и непорочным: черты его были неярки, но акkuratны и чисты.

Светло-карие глаза приятно сочетались со слегка загорелой кожей и немного вьющимися каштановыми волосами, не слишком заботливо уложенными, но и не неряшливыми.

В целом, он производил самое положительное впечатление: разве что иногда его нарочито уверенная походка, раз-

меренные жесты, а также манера высоко держать голову могли показаться проявлением некоторой надменности.

Однако достаточно было услышать приветливые, почти извиняющиеся интонации его мягкого глубокого голоса, чтобы понять, что человек он милый и простой.

Простота проявлялась и в одежде: в гардеробе Томаса Лонга не было сверхмодных и дорогих вещей, но одет он всегда был чисто, опрятно и со вкусом.

Элементы одежды и цвета гармонично сочетались в нём и подходили к внешности, а немногие аксессуары были недороги, но выверены.

Благодаря же высокому росту и подтянутой фигуре, говорящей о регулярных занятиях спортом, самые непритязательные вещи смотрелись на нём весьма выигрышно.

Вот и сейчас, изучив своё отражение в этом большом зеркале, висящем в приёмной, Томас Лонг в целом остался доволен своим внешним видом – от утренней заспанности не осталось и следа.

Он постучался, поздоровался и вошёл в кабинет своего руководителя.

«Закройте за собой дверь», – сказала директорша, не отрывая взгляда от каких-то бумаг и не видя, что дверь уже закрыта.

Томас Лонг откашлялся:

«У нас там новый охранник... И вроде дело своё знает. Никак меня пускать не хотел!» – сказал он вымученно весё-

лым тоном.

Директорша же по-прежнему не поднимала глаз и не отвчала ему, заставляя его всё больше волноваться.

Потом вдруг сказала отрывисто и уверенно:

«Господин Лонг, собирайте свои вещи и уходите».

«Простите?» – он подумал, что ослышался.

«Я думаю, что до обеда вы вполне управитесь».

Томас Лонг молча стоял, пытаясь понять, что происходит, что это: шутка, розыгрыш? или она всерьёз? и как реагировать?

Директорша наконец оторвала взгляд от бумаг и недовольно посмотрела на него:

«Собирайте вещи и у-хо-ди-те».

«Что случилось?» – он вдруг осознал, что это не шутка.

«Ну, вот что, не будем тратить время друг друга. Мне кажется, я достаточно понятно выразилась».

«Понятно, конечно... Но всё-таки совсем непонятно. Я уволен?» – проговорил Томас Лонг.

«Уволен».

«И за что это вы меня увольняете?» – он хотел изобразить угрожающую интонацию, но голос его выдал лишь страх и обиду.

«Не я вас увольняю, вы сами увольняетесь», – холодно сказала управляющий директор.

«Почему? Я вовсе не увольняюсь. Что произошло, объясните мне?» – спросил Томас Лонг.

«До обеда три часа, достаточно времени, чтоб очистить свой компьютер и своё место», – директорша как будто не слышала его вопроса.

«Да что случилось-то, ей-богу? Я требую объяснений!» – он говорил всё громче и громче.

«Прошу вас, уйдите с достоинством», – продолжала она.

Разговор стал напоминать театр абсурда.

«Тут, наверное, какая-то ошибка. Объясните мне, давайте разберёмся».

«Господин Лонг! У меня много дел! Прекратим этот бесполезный балаган», – в её голосе прибавлялось раздражения.

Томас Лонг решил сменить тактику:

«Ну, вот что, просто так вы меня не уволите! Это у вас по закону не получится!»

Директорша несколько не обратила внимания на его угрозы:

«Вы хотите войны? – вы её получите! Можем и по судам походить. Но в ваших же интересах не ссориться с компанией и уйти с миром. И вообще, не вам здесь про закон рассуждать».

«Я прямо даже не знаю... Это бред какой-то! Вам кто-то что-то про меня сказал? Я ничего не сделал такого, за что меня можно уволить», – смягчил тон Томас Лонг и подошёл ближе к её рабочему столу.

Она несколько отпрянула:

«Ну, всё. Если у меня и оставалось какое-то уважение

к вам, то теперь, когда вы даже не можете уйти без скандала... Я вызываю охрану!»

«Да что, чёрт побери, я такого натворил?» – громче приличия крикнул Томас Лонг.

«Довольно! Хватит! Не хотелось мне публично унижать вас. Я думала, вы оцените моё желание вывести вас из компании тихо и незаметно. Теперь же вы сами вынудили меня», – она нажала какую-то кнопку пол столом, и в кабинет тут же вошёл её личный охранник.

«Выведите его отсюда, этот человек у нас больше не работает», – жёстко приказала она.

Охранник подошёл к уволенному, взял его за локоть, подтолкнул к двери и вывел в коридор, и Томас Лонг не сопротивлялся ему и не смотрел на столпившихся в коридоре бывших своих коллег.

Глава пятая

Аристократ путешествует, ему нравится узнавать разнообразие мира. Однако он уверен, что те, кто нарочно ищут приключений, просто не умеют устроить свой быт. Аристократ чувствует любовь к своей земле, народу, своему языку и культуре. Он понимает, что история семьи, породившей его, определялась историей его земли. Аристократ подобен дереву – он укоренён в родной почве, но семена его долетят куда угодно.

«Кодекс аристократа»

Нельзя сказать, чтобы десятилетняя профессиональная карьера Томаса Лонга складывалась особенно удачно – хотя, казалось бы, у него было всё, что для этого нужно.

Он обладал логичным и гибким интеллектом, способностью к обучению, был общителен и мог мыслить творчески – и всё же продвижение по службе получали другие, куда менее достойные кандидаты.

Оказалось, что эти качества востребованы только в объявлениях о вакансиях, а для успеха в настоящей офисной жизни необходимо совсем иное: хитрость, услужливость, вероломство и, главное, болезненное желание возвыситься над другими.

Томас Лонг, лишённый подобных черт, к сожалению для себя понял, что со времён Макиавелли ничего не изменилось, да и, наверно, не изменится никогда.

Ему ничего не стоило освоить офисные шахматы, научиться искусству подковёрных интриг; и, конечно же, он был совсем не против повышения в должности и окладе – но не любой ценой.

Не раз доводилось ему наблюдать, сколь многим жертвует человек, посвятивший себя карьере, как он хитрит, унижается, тратя последнее душевное здоровье на свои коварства.

И всё это для того, чтобы на более высокой должности стать карликовым диктатором, озлобленным и неврастеничным, наслаждающимся маленькой властью, жаждущим почитания подчинённых и одновременно унижающим их.

Томас Лонг, видя это, пообещал себе подавлять ростки карьерных амбиций и выработал собственные правила поведения на работе.

Он решил, что будет честно выполнять поставленные задачи, по возможности ни во что не вмешиваться и никому не мешать, в конфликтах занимать нейтральную позицию, стараться не перечить начальству и в целом не ожидать от него ничего хорошего.

Но даже такое стоическое отношение к своей корпоративной судьбе не помогло ему справиться с потрясением, которое он только что испытал.

Неожиданность, несправедливость и необъяснимость

увольнения так обескуражили его, что не было никаких душевных сил размышлять о случившемся.

Томас Лонг не обдумывал стратегий борьбы за старое место и не прикидывал вариантов новой работы, он был разгромлен и подавлен свалившейся на него нелепостью.

Он шёл по улице без цели и направления, в ушах крутилась лишь навязчивая мелодия бессмысленной песенки, а в глазах вспыхивали красные кляксы.

Когда его рассудок, наконец, включился, он остановился и огляделся по сторонам, пытаясь понять, куда же ноги привели его.

Томас Лонг стоял перед входом в магазин колониальных товаров, по-прежнему в центральной части города, хотя уже довольно далеко от изгнавшего его офиса.

Ему доводилось бывать здесь и раньше: считалось, что сюда привозят лучшие в городе восточные благовония, ароматические масла, редкие сорта сине-зелёного китайского чая и отменный кальянный табак.

Иногда Томас Лонг позволял себе удовольствие правильной чайной церемонии, для этого у него был даже специальный бамбуковый столик, глиняный чайничек и крохотные рюмки-чашечки.

Он вошёл в магазин, прошёл вдоль ароматных полок с едой и специями и вдруг заметил лестницу, ведущую на второй этаж.

Около лестницы была табличка «Верхний этаж. Эзотери-

ческие товары и услуги. Гадания. Толкования снов».

Раньше он почему-то не замечал ни лестницы, ни этой указующей таблички, и вообще не знал, что в этом магазине есть второй этаж.

Томаса Лонга не слишком интересовало что-либо эзотерическое и оккультное, но предложение о толковании снов вдруг зацепило его.

Ему самому показалось странным, что сегодняшний эфемерный сон волновал его сейчас больше, чем объективная реальность обидного увольнения.

Томас Лонг поднялся вверх по лестнице и вошёл внутрь. Когда раньше он видел по телевизору интерьеры оккультных салонов, ему делалось смешно.

Он не мог поверить, что в наш просвещённый век кто-то может всерьёз относиться к этой мишурной атрибутике, ко всем этим хрустальным шарам, золочёным маятникам, свечам и зеркалам.

А магические пассы шарлатанствующих мадам напоминали ему бесталанную школьную самодеятельность.

Но когда Томас Лонг живьём вошёл в этот зал, он невольно вздрогнул от внезапно охватившего его жаркого холодка в теле.

Ему показалось, что словно невидимый колпак упал сверху, стало страшно и душно – и чуть ниже сердца он почувствовал какое-то жжение.

Глава шестая

Аристократ обладает развитой интуицией. Ему свойственна мистическая настроенность. Он с почтением относится к разным духовным традициям, ритуалам, священным текстам и прорицаниям. Аристократ внимателен к деталям и нюансам, но они не заслоняют его взора от главного. Он умеет отличать подлинное от фальшивого, а наносное от действительно значимого.

«Кодекс аристократа»

Вдруг откуда-то из-за портьеры, отгораживающей соседние помещения, выскочила девица – с перекошенным лицом, косая, простоволосая, в заплатанной кофте.

Она схватила Томаса Лонга за руку, подтянулась к его уху и стала напряжённо шептать, брызжа слюной:

«Не ходи к ней, чёрная она. Сколько людей со свету уже сжила, а сама не умрёт никак. Всё потому что Господь не хочет принимать её к себе, потому как ведьмачка она и дьяволица. Не ходи к ней, назад возвращайся, пока цел».

Томас Лонг мягко оттолкнул блаженную, и она тут же скрылась за лестницей.

«Про кого это она так, интересно?» – подумал он и огляделся по сторонам.

Сразу стало ясно, о ком его предупредили: в помещении была всего одна женщина, довольно пожилая.

Вид её был грустный и глубокий; она сидела под большой иконой и нагруженными перстнями пальцами трогала лакированные карты, беспорядочно разложенные на сукне перед нею.

«Тебе эта дурочка про меня что-то дрянное сказала, – первой начала разговор она, – Люди не любят меня, потому что я глядя в глаза говорю им скрытые их страхи, то, в чём они сами себе боятся признаться. Они думают, что боятся меня, а на самом деле боятся себя. И платят мне зломыслием за свой страх».

«Да я даже и не разобрал, что она сказала, – соврал Томас Лонг. – Шепелявая очень, прошипела что-то...»

«Зачем искал меня?» – строго спросила колдунья.

«Просто гулял по магазину, чай себе улунский присматривал – да вот поднялся посмотреть, что здесь происходит», – непринуждённо сказал он.

Женщина едва заметно усмехнулась, но тут же посерьёзна.

«Вижу я, с чем пришёл ты ко мне. Тревога твоя сильна, но любопытство сильнее, поэтому ты решился спросить меня. Не знаю, что именно случилось с тобой, но чувствую, что было какое-то видение, и что это видение изменит тебя».

Томас Лонг вздрогнул от таких слов, но попытался сыграть спокойствие.

«Да нет, не видение. Просто сны разные снятся. Так, ничего особенного. Вот сегодня ночью тоже приснилось...»

«Что же приснилось? Расскажи мне».

«Я не помню точно всех деталей, но основной смысл в том, что во сне была лошадь, и будто я способен понимать её лошадиную речь, а вот человеческий язык вроде как перестал понимать и...»

Колдунья прервала его на полуслове:

«Дай мне левую руку, я сама посмотрю твой сон».

Она взяла его руку в свою ладонь и погрузилась в молчание и задумчивость.

Потом поглядела на него, и ему показалось, что глаза её совсем помолодели, сверкнули юной искрой.

«Я знаю, что значит твоё видение, но не могу сказать всего. Скажу тебе только, что карлик – это ты сам, каким ты был прежде, а лошадь – тоже ты, но не весь ты, а часть тебя. Вы с ней, с лошастью, единое целое. Это как тот памятник рыцарю на площади нашего города, который весь – и наездник, и лошадь – вылит цельно из одного куска металла. Ведь ты тоже теперь – рыцарь, с гербом».

«Но что это значит? Я не понимаю, о чём вы говорите. Какой рыцарь?» – спросил он.

«Я и сама не знаю, но вижу тебя как будто на средневековой гравюре. Иди и не тревожься. Кому надо сами тебя найдут. Тебя уже ищут – и это во благо».

Она посмотрела на оторопевшего Томаса Лонга, не ска-

зав слов прощания, но он понял, что она всерьёз прощалась с ним.

Глава седьмая

Аристократ имеет идеалы, убеждения и кодекс веры. Он открыто провозглашает их, но не вступает в идейные споры, встречая несогласие. Он с интересом и спокойно воспринимает чужие взгляды. Аристократ почтительно относится к будущему. Он знает, что каждый его поступок и каждая его мысль определяют будущее. Он ведёт себя так, чтобы его потомки думали о нём не хуже, чем он думает о своих предках.

«Кодекс аристократа»

Томас Лонг повернулся и пошёл было обратно к лестнице, ведущей вниз, но тут заметил ещё одну табличку, приглашающую в соседнюю комнату, отгороженную тяжёлой портьерой.

На табличке было написано: «Фотография ауры. Диагностика болезней».

Он вспомнил, как секретарь их компании рассказывала на корпоративном пикнике о том, что её ауру однажды сфотографировали, и что цвета на снимке оказались оранжево-красными и очень яркими.

Секретарша рассказывала этот случай как смешную шутку: ей тогда объяснили, что такая палитра означает сильные

влечения плоти и в целом низкий уровень духовного развития.

И Томасу Лонгу вдруг захотелось узнать про свои цвета, он прошёл сквозь вельвет портьеры и оказался в небольшой студии.

Около оптического прибора на треножнике сидела девушка в толстых роговых очках, неуклюжая и некрасивая, и его внимание привлекла особенная бледность её лица.

«Вам экспресс-аурографию или детальный снимок по всем тонким телам?» – деловым тоном спросила она Томаса Лонга.

«А в чём разница?» – любопытно спросил он.

«В цене, во времени проявки, в точности прогноза».

«Сделайте мне, пожалуйста, ту, что побыстрее, чтобы сразу посмотреть», – попросил Томас Лонг.

«Значит, экспресс. Садитесь на табуретку и смотрите в объектив. Сосредоточьтесь на чём-нибудь хорошем», – сказала девушка.

Он сел на низенькую табуретку и честно попытался сосредоточиться на чём-то хорошем.

Вспомнилось ему, однако, далеко не самое приятное начало сегодняшнего дня: странный сон и абсурдное увольнение.

Тут что-то вспыхнуло, щёлкнуло, и из аппарата вылез блестящий влагой бумажный квадрат.

Девушка взяла снимок в руки и стала его разглядывать.

Она нахмурилась – и Томас Лонг съёжился, подумав, что она увидела какие-то совсем нехорошие цвета.

«Ну, что там?» – нетерпеливо спросил он.

Она подняла на него глаза, улыбнулась:

«Давайте ещё раз попробуем. Тут брак какой-то. Сделаем детальный снимок на этот раз».

Девушка снова щёлкнула аппаратом, через какое-то время вылез фотоснимок, и, взглядевшись в него, она опять недовольно сжала губы.

«Снова что-то не то?» – предположил Томас Лонг.

«Видимо, неполадки с камерой, – пробормотала она. – Знаете что? Давайте я сяду вместо вас, а вы нажмите вот эту кнопку. Нужно проверить, работает аппарат или нет».

Он уступил посерьёзневшей девушке табуретку, а сам сел на её место и нажал кнопку.

Вспышка, щелчок – и из камеры вылез ещё один снимок.

Томас Лонг непроизвольно взглянул на него: вокруг несимпатичного лица девушки было мутное облако, переливающееся яркими оранжево-красными цветами.

Она тут же подошла к нему, взяла снимок, посмотрела на него, потом посмотрела на Томаса Лонга, потом снова на предыдущие два снимка.

«Ну как, сломалась машинка?» – поинтересовался он.

Девушка медлила с ответом, озабоченно смотрела на него.

«Я не очень понимаю, что происходит, – наконец сказала она. – Аппарат исправен. Но на ваших снимках вообще нет

ауры. Вот, смотрите».

Она протянула ему два снимка, где действительно никакого мутного облака и никаких цветов не было.

«И что это значит?» – встревожился Томас Лонг.

«В моей практике такого ещё не случилось, – немного испуганно ответила она. – Дело в том, что совсем ауры нет только у мертвецов».

Томас Лонг вздрогнул.

«Неудачная шутка, вам не кажется?» – пробормотал он.

«Я видела, как у смертельно больных людей аура становится сероватой и резко уменьшается в размерах. Но чтобы совсем её не было... Нас учили, что даже и у покойников аура держится какое-то время», – продолжала она.

«Но я ведь не покойник, правда? – с горькой иронией сказал Томас Лонг. – Можете взять меня за руку и убедиться в том, что она вовсе не ледяная».

«Я всё понимаю. Простите меня. Я просто не знаю, что вам сказать. В любом случае, будьте осторожны. Возможно, вам грозит какая-то опасность», – речь девушки стала сбивчивой, торопливой, и толстые линзы её очков слегка запотели.

Томасу Лонгу показалось, что ей очень хочется, чтобы он поскорее ушёл.

«Что ж, спасибо за заботу. Надеюсь, вы не возьмёте с меня денег за столь точный диагноз?» – разочарованно спросил он.

«Нет-нет, конечно. Я понимаю. Не могли бы вы только оставить мне эти фотографии вашей ауры... Ну то есть её отсутствия. Я хочу показать их кое-кому», – попросила она.

«Делайте с ними что хотите. Только булавок в них не втыкайте!» – Томас Лонг развернулся и направился к выходу из злополучного магазина.

Глава восьмая

Аристократ не занимается торговлей. Его не интересует прибыль и коммерческая выгода вообще. При этом важно его личное участие в торговых отношениях, в которые могут быть вовлечены его представители, обеспечивающие его благополучие. Участие аристократа в коммерции и финансовых делах может быть оправдано в том случае, если он занимается этим не ради получения дохода, а во имя иной, более достойной цели – например, для благотворительности. Единственной материальной ценностью для аристократа обладают его собственные вещи, он воспринимает их как часть самого себя. Чужие вещи приобретают ценность, если аристократ имеет к ним какое-то отношение – или просто прикасается к ним.

«Кодекс аристократа»

Вышел из магазина – и тут же свернул в соседнюю улицу, и ноги сами завели его в другой – на этот раз большой и престижный – торговый центр.

«„Шоппинг-терапия“ – так это, кажется, теперь называется, когда идёшь за покупками, чтобы душу успокоить», – думал Томас Лонг, пытаясь понять, почему он вдруг зашёл в этот дорогой пассаж, в модные бутики.

Томас Лонг и раньше заходил в этот сверкающий торговый зал, его иногда посылали сюда в качестве консультанта по корпоративным подаркам: перед Рождеством и прочими деловыми празднествами.

И сейчас его потянуло к красивым вещам, хотелось смотреть на них, прикасаться, представлять, как однажды он, возможно, будет обладать ими.

И хотя он был в магазине, как в музее, лишь благодарным созерцателем, всё же терапия возымела своё действие.

Ему здесь было действительно хорошо, он не чувствовал и капли раздражения от того, что сам не принадлежит к классу покупателей красующихся в витринах вещей, что недостаточно богат и элитарен для этого.

Он не стеснялся своего внешнего вида, не совсем соответствующего обстановке.

На нём не было дорогой одежды, модной причёски, брезгливого взгляда и вальяжности жестов, но никто из продавцов не разглядывал его оценивающе, не попрекал, не выгонял.

Томас Лонг поднялся по изящной винтовой лестнице на третий этаж пассажа, не вполне понимая, что ему там надо.

Наверху располагался антикварный магазинчик с отделом старинных драгоценностей.

На стенах висели очень старые на вид холсты в золочёных рамах, съеденных патиной, в углах комнаты стояли стеклянные башни-витрины с утварью из дорогих металлов и кам-

ней.

В магазинчике, кроме него, был всего один посетитель, улыбочиво беседующий с продавцом у прилавка.

В руках его была золотая чаша, украшенная драгоценными камнями зелёного цвета – скорее всего, изумрудами.

Видно было, что продавец и покупатель давно знакомы, они общались по-свойски, улыбались, шутили и Томаса Лонга совсем не замечали.

Вдруг где-то в глубине служебного помещения зазвонил телефон, и продавец, извинившись, ушёл, оставив посетителя магазина без присмотра.

Томас Лонг же продолжал наблюдать за господином, державшим в руках золотую чашу.

Тот вертел её в руках, разглядывал со всех сторон, потом поднял над головой и внимательно посмотрел на дно её.

«Наверное, хочет пробу найти, в подлинности убедиться», – подумал Томас Лонг.

Но затем господин с чашей сделал нечто странное: обхватил её крепко двумя руками, прижал к животу, поднял вверх голову и закрыл глаза.

Томас Лонг затих, почти не дышал, не желая выдать своего присутствия при этом непонятном действии.

Вдруг чаша стала меняться в цвете, посветлела и как будто чуть увеличилась в размерах.

А потом и вовсе засияла спокойным холодным светом – и человек, державший её, покрылся белым, не режущим глаз

свечением.

Это продолжалось несколько мгновений, после чего чаша заискрилась, будто электричеством.

Мужчина отдернул руки, слово ошпаренный, уронил чашу на мягкий покрытый ковром пол, попятился, опёрся о стену и начал сползать вниз по ней.

Тут Томас Лонг впервые увидел его затухающие глаза: они были неестественно синего цвета и какие-то мутные.

Томас Лонг подошёл к нему, положил чашу в свой рабочий портфель и скорее выбежал из антикварного магазина – не понимая, зачем он это делает, и не оглядываясь.

Глава девятая

Аристократ осознаёт, что существуют силы выше его собственных – Бог и судьба. Он уважительно относится к судьбе, стремится установить диалог с ней и не испытывает её без нужды. Аристократ не совершает богохульных поступков, ибо всегда ощущает себя в божественном присутствии. Он понимает, что молчание Бога – это иллюзия, что Бог проявляет себя всегда и во всём, но человек может быть слеп и глух.

«Кодекс аристократа»

Томас Лонг шёл по улицам, шатаясь, словно пьяный, и ни о чём не думал – а придя домой, сразу упал в кровать и уснул.

Организм его был измождён впечатлениями этого дня, несмотря на довольно раннее время.

Ему снилось, что он лежит в больничной палате, вокруг него приборы, трубки, лицо стянуто дыхательной маской.

Над ним склонились две фигуры в белом, внимательно изучают и обсуждают его – и он слышит их медицинский разговор:

«Нет, об эвтаназии пока говорить рано. Конечно, состояние затянулось, но можем ли мы принимать окончательное решение на этом этапе?»

«Родственники согласны, уже подписали все необходимые бумаги...»

«Нет, не знаю. Всё-таки такая ответственность...»

«Да посмотрите, как человек мучается! Он в душе просто умоляет, чтобы поскорее всё это закончилось! Только сказать ничего не может!»

«С другой стороны, продлевать это безжизненное состояние...»

А Томас Лонг пытается крикнуть:

«Нет! Какая эвтаназия? Снимите с меня эту дурацкую маску! Я хочу жить! Мне совсем не больно, вы вдвоём что-то напутали!»

Но они не понимают его и – и уже готовят инъекцию, избавляющую от мучений такой ущербной жизни.

Почувствовав в своём теле иглу шприца, Томас Лонг просыпается...

Поначалу ему ничего не было видно, в его глазах был густой туман, но когда он совладал с реальностью, то стал воссоздавать в памяти случившееся с ним сегодня утром – хотя после сна само утро казалось уже вчерашним.

Он вспомнил про карлика и лошадь, про увольнение, про посещение мистического магазина с печальной колдуньей и странной, смертной его аурой.

И про другой мистический магазин с антиквариатом тоже вспомнил – и тут же достал из портфеля золотую чашу, поставил её на стол, сел рядом и стал размышлять.

В произошедшее верилось с трудом, столь сильное чувство ирреальности окружающего мира посетило его впервые.

Ни сверхъестественные свойства чаши, ни обнаружившаяся способность Томаса Лонга к банальному воровству, хотя бы и произвольному, не находили рациональных объяснений.

Томас Лонг взял чашу в руки: она была совсем лёгкая, будто сделана не из золота вовсе, а из пластика.

На дне её был выгравирован кружевной вензель с переплетёнными латинскими буквами «С» и «М».

Из чистого любопытства он поставил её на свои напольные электронные весы, при помощи которых ежедневно контролировал свой вес.

Весы стали выдавать какой-то странный набор чисел: 31, потом 41, 59, 265, дошли до максимума, позволенного электронному табло, а потом уверенно застыли на нуле.

«Что за ерунда!» – подумал растерявшийся Томас Лонг, снял с весов чашу и встал на них сам.

Весы продолжали показывать нулевую отметку.

«Ну вот, теперь и весы сломались!» – подумал он и похолодел, вспомнив про случай с фотографированием ауры.

Он поставил на весы первое что попало на глаза – литровую бутылку виски – и цифры безошибочно показали положенные три фунта веса.

«Должно быть, эта чаша обладает каким-то магнетизмом, сверхпроводимостью, которая изменяет массу и свою, и того,

кто к ней прикасается», – подумал Томас Лонг.

Внутри чаши металл был отполирован, и Томас Лонг увидел своё искривлённое отражение: его лицо выглядело длинным и вытянутым.

«Какой я, однако, нелепый...» – сказал он вслух и удивился тому, что именно таким тембром голоса говорила лошадь в его ночном полусне-полувидении.

Томас Лонг стал вглядываться в искривлённое чашей лицо и поразился тому, что деформированное золотом отражение обладает невероятным сходством с той лошадью.

У него вдруг закружилась голова, и он поскорее отставил чашу в сторону.

Он не понимал, что происходит, но точно знал, что ему делать.

Нужно было каким-то образом вернуть чашу в антикварный магазин, да так, чтобы никто не узнал о его неумышленном воровстве.

Томас Лонг решил, что следует этот вопрос хорошенько обдумать, и что лучше это сделать на свежую голову, когда он придёт в себя после утренних событий.

Он завернул чашу в полотенце и положил её в кухонный морозильник – на случай, если она вдруг захочет нагреваться и светиться, как тогда в магазине.

После этого Томас Лонг сел к компьютеру, подправил своё резюме и разослал его по разным работодателям и кадровым агентствам: аура аурой, а работу нужно было искать.

Глава десятая

Аристократ – тот, кто осознаёт и чувствует себя аристократом. Всякий человек, вступающий на путь совершенствования по аристократическому образцу, должен быть признан аристократом. Аристократ – это не данность, а заданность. Аристократом нельзя родиться, но им можно умереть. Аристократом нельзя быть или стать по заслугам, по достижениям и результатам. Новый аристократ – это всегда внутренняя реформа, когда человек приобретает особый тип сознания, на основе которого строится его судьба и характер.

«Кодекс аристократа»

Покончив с поиском работы, Томас Лонг стал размышлять о странном истолковании своего сна, сделанном ясно-видицей из магазина колониальных товаров.

Она что-то говорила про статую рыцаря на лошади на площади города и добавила, что он сам теперь – рыцарь.

Томас Лонг пожалел, что не уточнил у неё тогда, что именно она имела в виду.

И что это ещё за рыцарь? – что за романтическая метафора?

Он был уже не в том возрасте, чтобы воображать себя среди рыцарских орденов, крестовых походов, поединков и тур-

ниров.

Да, собственно, и в юношеском возрасте из всего средневекового антуража его интересовали разве что прекрасные дамы.

С другой стороны, Томас Лонг должен был честно признать себе, что он по сути ничего не знает о мире рыцарей, кроме того, что показывают в исторических фильмах.

Ему также вспомнилось, что старуха говорила ещё про какой-то герб, что он, мол, рыцарь с гербом – фамильным, надо думать.

Но ведь гербы бывают у только древних благородных семейств, а Томас Лонг принадлежал к обыкновенному среднему классу, без земли и поместий, без длинной родословной.

Да и фамилия его, прямо скажем, не дворянская и уж, конечно, ни герба, ни девиза не заслужившая.

Впрочем, как он может быть в этом уверен? – не исключено, что в истории его семьи есть что-то любопытное, он ведь никогда специально не интересовался.

И Томас Лонг набрал телефонный номер матери, живущей сейчас в небольшом тихом городке по соседству, в полчаса езды на машине.

«Я почему-то была уверена, что ты сегодня непременно позвонишь, Томас. У тебя всё в порядке?» – спросила мама.

«Да, всё в порядке, всё как обычно», – Томас Лонг решил не говорить ей про увольнение до тех пор, пока не найдёт

новую работу.

«Слава Богу! Томас, ты совсем мне не звонишь!» – привычно стала жаловаться она.

«Мама, ты же знаешь, что я много работаю, пропадаю в офисе. Прихожу домой очень поздно», – оправдывался Томас Лонг.

«Нельзя же столько работать. И нельзя про мать забывать. Я тебя, между прочим, уже больше месяца не видела».

«Не обижайся. Обещаю, что на днях заеду к тебе... А сейчас я вот по какому делу звоню. Станный вопрос, конечно... Скажи, ты случайно не знаешь, не было ли у тебя или у папы в роду каких-нибудь рыцарей?» – спросил Томас Лонг.

«Господи! С чего это ты вдруг заинтересовался?» – голос мамы выдал её немалое удивление.

«Да это на работе спрашивают... Это им как будто для оформления годового отчёта надо. Или что-то в этом роде. В общем, всех сотрудников спросили, нет ли у них фамильных гербов», – Томас Лонг не знал, что ещё и придумать: не рассказывать же матери про свой визит к колдунье.

«А я уж было подумала, что в тебе голос предков проснулся...» – неожиданно сказала она после небольшой паузы.

«Прости, что ты говоришь? Плохо слышно. Какой голос предков?» – засуетился Томас Лонг.

«Я говорю, что и у отца твоего, и у меня в роду были рыцари, про которых ты спрашиваешь. И гербы есть, конечно», –

спокойно сказала мама изумлённому сыну.

«Почему же ты никогда не говорила мне об этом?» – почти прокричал он в трубку.

«Да ты ведь никогда и не спрашивал. Кому это вообще теперь это интересно? Или тебе на работе зарплату хотят прибавить за твой герб?» – весело спросила мама.

«Ты мне должна всё немедленно рассказать!» – потребовал Томас Лонг.

«Ну, нет, не по телефону же. Это долгая история. Вот приезжай, как обещал, на днях – тогда и поговорим», – ответила мама.

«Хорошо. Но скажи хоть, как наш герб выглядит, что на нём нарисовано?» – попросил Томас Лонг.

«Да как же мне вспомнить теперь? – она чуть помолчала. – Хотя послушай. В нашем старом доме был шкаф со старинными книгами, он единственный на ключ запирался...»

«Да, я помню. Он хотя и запирался, но ключ всегда рядом на цепочке висел».

«Верно. Так вот, в том шкафу на самой верхней полке стояла такая старая-престарая библия, на латинском языке».

«Да, потрёпанная такая, ветхая. От неё ещё пахло чем-то кисловатым. Она, кажется, в моей библиотеке и осталась».

«Ну не помню, чем она пахла – плесенью, надо думать. Но только на первой странице там точно стояла печать, экслибрис. Вот на этой печати как раз наш герб и изображён...»

«Спасибо, мама, я всё понял. Пойду поищу. А к тебе

на днях обязательно заеду. Вот заберу машину из ремонта и заеду. Ты мне всё, что знаешь, должна рассказать».

«Ладно, сынок. Буду ждать. Береги себя», – сказала мама и повесила трубку.

Глава одиннадцатая

Аристократ почитает свой род и гордится им вне зависимости от того, каковы достижения и успехи рода. Он чувствует себя вершиной и смыслом существования своих предков. Его миссия – оправдать их историю в своём самораскрытии. Он также чувствует ответственность перед своими потомками. Аристократ серьёзно относится к завещаниям. Для него завещание – способ соединения с предками и потомками. В акте завещания концентрируется путь всего рода, его прошлого и будущего.

«Кодекс аристократа»

Нужно сказать, что Томас Лонг вырос в обычной семье, где жили не богато, но и не бедствовали.

Дом и быт были лишены роскоши, но маленькому Томасу Лонгу мать обеспечила всё, что нужно для достойного воспитания и образования.

Она ограничивала себя во многих удовольствиях, но у её единственного ребёнка всегда было здоровое питание, добротная одежда и ежегодный отдых на морском курорте.

Уже в раннем детстве он освоил несколько иностранных языков, обучился игре на фортепиано и азам живописи, занимался классическим танцем, брал уроки тенниса и гольфа.

Что же касается книг и классических музыкальных записей, они в доме были в изобилии, и Томас Лонг ещё до окончания школы освоил почти всю классику.

Стремясь воспитать в нём гуманные чувства, мать заводила домашних животных: аквариумных рыбок, попугаев, кошек и собак, и он действительно рос весёлым и добрым мальчиком, вызывающим симпатию и сверстников, и взрослых.

Однако при всём тщательно поддерживаемом благополучии в их доме была гнетущая тайна – и она была связана с отцом.

Родился Томас Лонг в полноценной семье, но вот потом, когда ему было года три, что-то случилось, и отца он больше не видел.

Он так и смог выяснить, что произошло – погиб ли отец, ушёл ли из семьи – лишь понимал, что его исчезновение было связано с какими-то трагическими обстоятельствами, и что не нужно пытаться что-либо узнать.

Когда он спрашивал маму об отце, она не отвечала и просила не настаивать с этим вопросом, а если настаивал – начинала плакать, так что он скоро понял, что лучше не тревожить её этими разговорами.

Сам Томас Лонг совсем смутно помнил его образ, это были довольно туманные очертания.

Не сохранилось ни фотографий, ни видеозаписей отца, почти не осталось писем и документов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.